

Ополев Павел Валерьевич

ОСОБЕННОСТИ БЫТИЯ СЛОЖНОГО СОЦИУМА

В настоящее время необходимо осмысление аксиологического аспекта сложности, поскольку сложность становится способом существования социокультурной действительности. Сложный социум, порожденный развитием науки, имеет ряд особенностей, которые определяют специфику бытия современного человека. В данной статье выявляются особенности бытия сложного социума, обосновывается необходимость создания гуманитарной парадигмы сложного общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/37.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 146-149. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 141+165.4

Философские науки

В настоящее время необходимо осмысление аксиологического аспекта сложности, поскольку сложность становится способом существования социокультурной действительности. Сложный социум, порожденный развитием науки, имеет ряд особенностей, которые определяют специфику бытия современного человека. В данной статье выявляются особенности бытия сложного социума, обосновывается необходимость создания гуманитарной парадигмы сложного общества.

Ключевые слова и фразы: игра; информация; потребление; сложность; этика.

Ополев Павел Валерьевич, к. филос. н.

Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия

Pvo-sinergetica@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ БЫТИЯ СЛОЖНОГО СОЦИУМА[©]

Вторая половина XX века характеризуется процессами ускорения и усложнения социокультурной динамики. На фоне глобализации происходит усиление взаимосвязи научно-технического прогресса, социальных и культурных изменений. Эти процессы, достигая критического порога, способствуют образованию новой формы общественного бытия – «информационного общества» (Д. Белл, О. Тоффлер, Ю. Хаяши), так же в дальнейшем называемого «обществом знания» (П. Дракер, Р. Лэйн, Р. Хатчинс, Т. Хусен).

В качестве онтологического основания бытия общества нового типа рассматривается информация. Мысль Ф. Бэкона о том, что «знание и могущество человека совпадают» [1, с. 12], обретает свое эмпирическое подтверждение. Умение конвертировать информацию в знание и эффективно использовать её в процессе деятельности оказывается определяющим фактором для социальной и культурной адаптации, политической стабильности и национальной безопасности. Возрастание роли информации оказывает существенное воздействие на социальные институты, способствует технократизации производства, бюрократизации управленческих решений и интеллектуального труда. Как подмечает Г. Маркузе: «технологическая рациональность становится политической рациональностью» [5, с. 262]. Знание становится не только онтологическим, но и аксиологическим основанием бытия общества, фактором формирования новых стандартов этического поведения.

Идеи «информационного общества» и «общества знания», с одной стороны, отражают объективные успехи развития науки, но, с другой стороны, имеют оттенок социально-политической утопии, своеобразного сциентистского рая, где вместо фигуры Бога-Творца и управителя используется понятие «информации». В обладании информацией видится ключ к решению всех познавательных и управленческих проблем. Возникает соблазн всё многообразие проблем общественного бытия, возникающих в информационном обществе, свести к проблемам «организационных множеств». Тем не менее, онтологические и аксиологические характеристики информации в обществе нового типа фактически не различаются, а человек видится в качестве придатка складывающегося информационного поля.

Информатизация и технократизация способствует унификации общества. В рамках «общества знания», на первый взгляд, в полной мере реализуются самые смелые опасения и прогнозы Г. Маркузе. Человек в рамках информационного общества мыслится исключительно операционально, становится «одномерным», осмысливается как носитель информации, при этом исчезая в качестве экзистенциального субъекта. Человек становится придатком информационного пространства, утрачивая бытийный статус, лишаясь внутреннего существования. В таких условиях нравственность оказывается вторичным качеством (скорее вредным, чем полезным), а на её место приходит способность управлять, быть менеджером, администратором. Человеческая воля лишается автономии, на первый план выходит способность подчиняться. Знание в таком случае осмысливается как средство, позволяющее адаптироваться к окружающей среде (природной или социокультурной), занять своё место в мире.

Информационное общество для поддержания своего существования вынуждено подменять витальные потребности ложными потребностями, которые в дальнейшем становятся основанием для общества потребления. В обществе потребления вещи превращаются в смыслы и, наоборот, смыслы – в вещи («семиологический парадокс» Р. Барта), а языковые явления начинают обладать властью тех вещей, которые они обозначают. Идея потребления является всеобщей для современной культуры, оказывает на культуру двойственное воздействие. С одной стороны, потребительские тенденции разрушают духовную культуру, способствуют атомизации общества. Общество начинает уподобляться глобальному рынку, существующему по своим, теперь уже рыночным законам. С другой стороны, идея потребления, будучи локализованной в сфере человеческих желаний, связана с потребностью заглушить состояние хронической тревоги, порожденной избытком информации.

Идеалы технологической рациональности так и остались нереализованными, а перспективы формирования информационного общества оказались сильно преувеличенными. Кроме того, опасности технократического неототалитаризма Г. Маркузе в настоящее время приобрели несколько иной, чем это виделось ранее, оттенок. «Великий отказ», отказ от репрессивной цивилизации так и не произошел. Вместе с тем оказалось,

что знание как продукт информационного общества, особый инструмент воздействия на социальную реальность само порождает события, последствия, результаты которых не поддаются контролю и прогнозированию. Информация, будучи онтологическим основанием постиндустриального общества, сама становится источником неопределенности. Неопределенность как неотъемлемый атрибут бытия позволила нам осознать, что мы живем в условиях сложного бытия. Фактически в настоящее время происходит реставрация идей фатализма, где место идеи судьбы занимает идея сложности.

Социальная система, которую можно было рассматривать как «вещь», окончательно уходит в прошлое, а на её место приходит сложный социум, который находится в состоянии перманентного становления. С одной стороны, управление социальными процессами требует постоянного притока информации. С другой стороны, информация сама становится источником флуктуации и социального хаоса, в результате чего социокультурная динамика осмысливается как процесс нелинейный. Как подмечает С. А. Кравченко, «в становящейся реальности увеличивается доля короткоживущего социума и уменьшается доля долгоживущего – это затрагивает функционирование жизненных референтов, включая ценности, авторитеты, представления о добре и зле» [4, с. 4].

Ускорение социокультурной динамики порождает ситуацию, когда люди, сосуществующие в одной культуре и в одном обществе, фактически оказываются в различных «темпорах» [3, с. 22]. Высказывание Л. Фейербаха о том, что «во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах» [цит. по: 8, с. 26], приобретает не только социально-политический, но и онтологический оттенок. Мы начинаем не только мыслить по-разному, но и начинаем жить в различных мирах, порожденных информационной сложностью. Эти виртуальные миры, по нашему мнению, порождают реальные риски (политические, культурные и экзистенциальные), на самом глубоком уровне отражаются в сознании человека. «Одномерный человек» Г. Маркузе начинает существовать в различном социокультурном времени и пространстве, что еще больше способствует общественной атомизации. Их единственным общим делом становятся социальные катастрофы (которые они, опять же переживают по-разному) и идея потребления.

Конец XX века и начало XXI века внесли существенные коррективы в понимание процессов, происходящих в современном обществе и культуре. Разнообразные политические, экологические или террористические угрозы стали неотъемлемой частью нашей жизни. Социальная катастрофа в современном мире уже не выглядит уникальным событием. Глобальные риски (У. Бек), которые ставят под сомнение саму возможность существования человека, осмысливаются как неизбежные. В мире, где социальные процессы осмысливаются как необратимые, эмерджентные, разнообразные социальные катастрофы выглядят вполне естественно, как бы являются побочным продуктом функционирования социальных систем. В этой ситуации, когда нельзя не выбирать, возникает потребность в выработке особой «сложной» морали, которая отражала бы потребности человека в условиях ускользающего бытия.

Современный человек находится в условиях избытка информации и короткоживущего социума, в состоянии постоянного перехода от одной социокультурной формы к другой, от одной политической идеологии к другой, что требует от него определенной гибкости. Необходимость существовать в непрерывно изменяющемся социуме требует выработку способности адаптироваться и, в целом, негативно отражается на этических ценностях. В условиях общества потребления такого рода гибкость, приспособление к социальной сложности осуществляется в четырех направлениях: необходимости обладать вещами, которые соответствовали бы времени, активизации игровых практик, формировании «текучей морали», снижении уровня когнитивной сложности.

Общество становится сложным, что требует выработки парадигмы сложности и особой методологии его познания. Возникает вопрос: существуют ли другие стратегии бытия в сложном обществе, кроме инструментальной, технологической, операциональной. Возможно ли построение гуманитарной теории сложности?

В результате чего возникает социальная сложность? Согласимся с мнением Д. Дзоло о том, что социальная сложность оказывается следствием информатизации, развития научного знания и технологии [2, с. 44-48]. Усложнение социума просматривается также через увеличение количества субъектов социальной реальности, увеличение типов социальных связей и взаимодействий. По нашему мнению, социокультурные предпосылки сложности заключены в кризисе эпохи модерна, разрушением его ключевых мифов: мифе о познаваемости мира, мифе о линейной истории, мифе о принципиальной управляемости мира, мифе об универсальности и простоте. Нам представляется целесообразным к такого рода мифам отнести идею развития, которая, по словам Э. Морена, воссоздает «типичный миф западного социализма» [6, с. 49-50]. Мерой развития оказываются количественные показатели: рост производительности, продукции, информации, человеческого капитала, в то время как качественные показатели развития отходят на второй план.

Мысль античного философа Гераклита «все течет, все изменяется» в контексте современной действительности выглядит чрезвычайно актуальной. Сложный социум характеризуется увеличением роли информации, революцией в организации и обработке знания. Информационное пространство не только расширяется, но и становится более динамичным. Власть скорости – «дромократия» (П. Верилио) – наряду со сложностью оказывается одной из особенностей современного социума.

Осознание того, что нет простых решений сложных проблем, делает необходимым формирование новых стандартов поведения. Это возвращает нас к формуле, предложенной софистом Протагором: «человек есть мера всех вещей», только звучать она начинает иначе. Проникая во все формы культуры, сложность оказывается мерой всех вещей, источником хронической тревоги, повышенной бдительности, с одной стороны, и ощущения полного бессилия – с другой. Происходит формирование сетевой рациональности (М. Кастельс), а игровые практики становятся неотъемлемой частью сложного общества. В конце концов, всё становится сложным: сложное общество, сложная коммуникация, сложные пространства и время, сложная рациональность, сложное мышление и т.д.

Обнаружение социальной сложности сродни новому антропологическому повороту, но на это раз не только в философии, но и в культуре, и в обществе в целом. Чем сложнее становится среда, тем сильнее взаимозависимость переменных и тем сложнее нам их познавать и ими управлять. В условиях сложного социума не только формируются новые типы рациональности, переосмысляются пространственно-временные отношения, но и закладываются основания для человека нового типа. Примером человека нового типа могут быть названы так называемые «яппи». С одной стороны, они вполне вписываются в концепцию «одномерного человека» Г. Маркузе. С другой стороны, концепция Г. Маркузе не учитывает фактор сложности. Яппи оказываются порождены не столько обществом потребления, сколько идеями сложности. Существуя в условиях постоянной нехватки времени, яппи успех в том или ином виде деятельности мыслят не как результат собственных заслуг, а скорее как игру случая.

Сложность по-разному представлена в современной социокультурной действительности. Это отчасти объясняется тем, что социальная реальность неоднородна, она не может равномерно усваивать поток всё возрастающей информации. Каждая общественная подсистема по-разному усваивает получаемую информацию, вырабатывает свои правила игры. В условиях технологического многообразия и социального хаоса, порождаемых информатизацией, возникает потребность упорядочивания, преодоления информационной сложности. Игровые практики, безусловно, облегчают существование человека внутри постоянно меняющегося социума, но в результате бытие культуры и общества становится более дискретным, противоречивым. Игра всегда осуществляется в соответствии с заданными правилами, что позволяет человеку преодолеть страх перед неопределенностью, которая становится неотъемлемой характеристикой сложного общества. Неопределенность, глобальные риски – всё это осмысляется как неотъемлемый элемент общей игры.

Вещь как гарант устойчивого бытия также должна соответствовать игровым практикам и веяниям времени. Вещь, соответствующая последним тенденциям, веяниям времени оказывается не только признаком социального статуса, но и попыткой зафиксировать ускользающее бытие. Можно сказать, что в условиях сложности, потребление выполняет психотерапевтическую функцию, а вещь становится своеобразной точкой опоры в бытии. Таким образом, идеология вещица оказывается неотъемлемым спутником сложного социума. В результате идея потребления оказывается некой «общей игрой» для сложного социума в целом. Формы и виды потребления, в свою очередь, формируют свои правила игры, вырабатывают своё видение границы между сферой должного и сферой сущего. Вещь становится не только показателем социального статуса, но и гарантом устойчивого бытия. Человек начинает обретать себя в вещах, перестает предписывать законы вещам, а напротив, сам подчиняется социальным законам, диктуемым этими вещами.

«Общество знания» вопреки устоявшимся прогнозам так и не состоялось. Скорее, даже наоборот, современность может быть названа «обществом незнания», где на фоне усложнения социокультурной динамики происходит снижение уровня когнитивной сложности. Сложный социум действительно порождает «одномерного человека». В этом отношении интересно рассуждение А. Шопенгауэра: «Не проигрывает ли человечество в качестве столько, сколько оно выигрывает в количестве? Если сравнить греков и римлян с нашим поколением, если подумать о тех первобытных временах, в которые были сложены Веды, и принять во внимание ничтожество современного поколения, размножающегося, как сорная трава; если, наконец, взвесить то обстоятельство, что из большего числа людей арифметически мыслимо и большее число великих людей, а их совсем не появляется – то можно прийти к такой гипотезе» [7, с. 48].

Современный социум не представляет нам пример «цветущей сложности». С одной стороны, мы наблюдаем видимое многообразие культурных, политических, социальных форм. С другой стороны, подобное многообразие и разнообразие форм приводит к нарастанию однородности человеческого сознания, примитивизации мышления, маргинализации культурной действительности. На фоне утраты способности критически воспринимать информацию возрастает роль массмедиа, которые фактически берут на себя функцию как критического, рефлексивного мышления, так и источника нравственного идеала.

Мораль и нравственность призваны регулировать общественные отношения и направлять поведение людей в процессе их совместной жизнедеятельности. Внедрение игровых практик в общественные взаимодействия способствуют формированию «амбивалентной морали», когда проблема добра и зла перемещается в область отдельной социальной игры. В результате в сложном социуме возникает глубокий кризис «арочной системы» морали и нравственности, которая долгое время скрепляла все общественные подсистемы. С одной стороны, амбивалентная мораль действительно способствует адаптации к более сложной социокультурной динамике. С другой стороны, последствия этой адаптации всё дальше уводят нас от представлений о высокой нравственной культуре личности.

В настоящее время можно говорить о том, что мы живем в сложном информационном обществе. Сложный социум не только способствует идеологии потребления, но и определяет бытие современного человека. Сложный социум имеет ряд особенностей, которые не сводятся к информатизации и технократизации. Идеологией сложного общества является идея потребления (позволяет снять страх перед ускользающим бытием), а способом существования становятся разнобразные игровые практики (позволяют в определенной мере преодолеть имманентную сложному обществу неопределенность). Обратной стороной этого процесса является снижение когнитивной сложности, своеобразная «духовная люмпенизация» общества и, как следствие, разрушение «арочной морали». Тем не менее, вопросы: возможно ли выработать гуманитарную теорию сложности, положительную жизненную стратегию человека в условиях сложного социума, возможно ли достижение компромисса между идеологией потребления, игровыми практиками и высокой моральной культурой, – по-прежнему остаются открытыми.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Новый органон // Бэкон Ф. Соч.: в 2-х т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 575 с.
2. Дзоло Д. Демократия и сложность: реалистический подход / пер. с англ. А. Калинина, Н. Эдельмана, М. Косима. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 313 с.
3. Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 19-28.
4. Кравченко С. А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблема новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 3-12.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2003. 526 с.
6. Морен Э. К пропасти? СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.
7. Шопенгауэр А. Новый паралипоменон. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 384 с.
8. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М.: Изд-во политической литературы, 1970. 149 с.

SPECIFICS OF EXISTENCE OF COMPLEX SOCIAL STRATUM

Opolev Pavel Valer'evich, Ph. D. in Philosophy
Siberian State Automobile and Highway Academy
Pvo-sinergetica@rambler.ru

The modern epoch requires the understanding of the axiological aspect of complexity, because complexity becomes a way of the existence of sociocultural reality. The complex social stratum generated by the development of science has a number of features, which determine the specifics of the existence of a modern human being. The article identifies the peculiarities of the existence of the complex social stratum, justifies the necessity for the creation of the humanitarian paradigm of complex society.

Key words and phrases: game; information; consumption; complexity; ethics.

УДК 94:347.965.712(571.12)

Исторические науки и археология

В статье анализируется делопроизводственная документация расценочно-конфликтных комиссий (РКК) промышленных предприятий Тюмени, которые являлись первичной инстанцией рассмотрения трудовых конфликтов между рабочими и администрацией в 20-е годы. Материалы РКК являются массовым источником, что позволяет выявить причины, суть и пути урегулирования трудовых споров. Протоколы РКК свидетельствуют, что число конфликтов год от года росло. Основная причина – неудовлетворенность материальным положением трудящихся. Только к концу 1920-х гг. незначительная часть трудовых споров приобрела политический оттенок.

Ключевые слова и фразы: новая экономическая политика (НЭП); расценочно-конфликтная комиссия (РКК); фабрично-заводской комитет (ФЗК); трудовой спор; примирительные камеры; администрация.

Пастух Мария Петровна

Тюменский государственный университет
masha965@rambler.ru

МАТЕРИАЛЫ РАСЦЕНОЧНО-КОНФЛИКТНЫХ КОМИССИЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ Г. ТЮМЕНИ В 1921-1929 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК[©]

Трудовые споры на предприятиях являются неизбежным сопровождением трудовых отношений. В период НЭПа проявления недовольства рабочих администрацией, в сравнении с последующим плановым периодом народного хозяйства, были нередким явлением. Поводом для трудовых конфликтов, как и сегодня, были задержки заработной платы, неудовлетворительные условия труда, нехватка жилья, а также спорные вопросы: прием и увольнение работников, отсутствие критериев повышения разрядов, расценок и норм выработки, нехватка спецодежды; в основном они касались улучшения материального положения рабочих. Для примирения рабочих и администрации функционировала разветвленная сеть органов: первичные партийные и профсоюзные инспекции труда, расценочно-конфликтные комиссии (РКК), местные отделы Народного комиссариата труда (НКТ), примирительные камеры, третейские и арбитражные суды тюменского губернского отдела юстиции. Основная тяжесть урегулирования спорных ситуаций на производстве возлагалась на членов РКК [1, с. 458]. Стремясь сгладить ситуацию и не делать внутренний трудовой конфликт обсуждением общественности, администрация старалась решить проблемы на заседаниях.